

VIII. Трибуна*

Леонид Люкс

Было ли возникновение русской национальной идентичности исторической случайностью? Ответ на статью Дэвида Бранденбергера «Stalin's populism and the accidental creation of Russian national identity»¹

Статья Дэвида Бранденбергера² содержит наряду с некоторыми убедительными тезисами и ряд спорных высказываний. Я хотел бы коротко обратиться к последним. Когда Бранденбергер говорит о позднем формировании национального самосознания в России по сравнению, например, с Францией, он упускает из виду фундаментальное различие между Россией и такими западными странами, как Франция. А именно тот факт, что, начиная с петровских реформ начала 18-го века, Россия являлась страной с двумя скоростями. Со времени европеизации на российской территории существовали практически два разных государства, у которых едва ли были точки соприкосновения. По словам блестящего эмигрантского историка Георгия Федотова (1886-1951) этими государствами были: «светская империя дворянского верхнего слоя, в котором дворянство переняло западные понятия верности по отношению к монарху, и "мужицкое царство" с земным Богом во главе, носителем божественной силы и правды»³.

* В немецкоязычной версии нашего журнала существует рубрика «Трибуна», в которой мы публикуем реплики наших авторов на некоторые, с их точки зрения, спорные высказывания их коллег. Эту рубрику мы решили ввести и в русскоязычный *Форум*. В первом выпуске рубрики мы публикуем ответ Леонида Люкса на статью американского историка Дэвида Бранденбергера о руссоцентристских тенденциях при сталинизме в английском журнале *Nationalities Papers*. Русский перевод статьи Бранденбергера опубликован в журнале *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4. <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/br4.html> (ред.).

¹ Англоязычная версия этого текста была ранее опубликована в журнале *Nationalities Papers* (2011. Vol. 39. № 1. P. 135-140).

² Brandenberger D. Stalin's populism and the accidental creation of Russian national identity // *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38. № 5. P. 723-739. См. также: Umland A. Stalin's russocentrism in historical and international context // *ibid.* P. 741-748; Marples D. Stalin: authoritarian populist or great Russian chauvinist? // *ibid.* P. 749-756; Brandenberger D. Nationalist, heretic or populist? // *ibid.* P. 757-760; Umland A. Corrigendum: Stalin's russocentrism in historical and international context // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39. № 1. P. 159.

³ Федотов Г. Революция идет // он же. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 128 и сл.

Философ Николай Бердяев (1874-1948) добавляет: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»⁴. Другой русский мыслитель, Сергей Булгаков (1871-1944), даже считает, что мировоззрение русского крестьянства застыло в эпохе Святого Владимира (т.е. в 10-м веке)⁵. Не удивительно, что ввиду такого исходного положения развитие современного национального самосознания в России по сравнению с западными государствами запаздывало, и что в 19-м веке в России не имел места процесс, аналогичный французскому, в котором произошла «transformation of peasants into Frenchmen»⁶.

Этот раскол предреволюционной России практически на две нации едва находит отражение в статье Бранденбергера. Это же касается и другого внутрисословного раскола, задерживавшего возникновение национальной идентичности в стране. Речь идет об отчуждении активнейших частей российского образованного слоя от государства, которое после подавления восстания декабристов в 1825 г. все более углублялось. Один из влиятельнейших российских публицистов Петр Струве (1870-1944) не раз подчеркивал, что то, что правящая бюрократия рассматривала государство как свою собственность и отказывала обществу в участии в процессе принятия политических решений, являлось одной из причин антинациональной позиции и негативного отношения российской интеллигенции к государству⁷. Национальный нигилизм интеллигенции приводил к тому, что она даже в таких гениях как Достоевский видела из-за их поклонения «русской идее» лишь «реакционеров», добавляет Сергей Булгаков⁸. Также и другие национально или панславистски настроенные авторы или публицисты (Катков, Данилевский, Страхов и др.) были для «ордена интеллигенции», доминировавшего во внутрисполитическом дискурсе второй половины 19-го века, идеологическими противниками.

Лишь после поражения царской империи в Русско-японской войне в 1905 г. часть интеллигенции открыла для себя национальные ценности. Решительная защита России как Великой державы Петром Струве, содержащаяся в его в 1908 г. опубликованной статье «Великая Россия», являлась ясным доказательством этого⁹. С этим национальным ренессансом связан и тот факт, что после начала Первой мировой войны широкие слои русской интеллигенции, как и образованные слои Германии, Франции или Великобритании, были охвачены патриотиче-

⁴ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Р., 1955. С. 111.

⁵ Булгаков С. Два Града. СПб., 1911. Т. 2. С. 159-163.

⁶ Brandenberger. Stalin's populism and the accidental creation of Russian national identity. P. 724.

⁷ Струве П. Исторический смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции и национальные задачи. Р., 1967. С. 292-296; он же. Избранные сочинения. М., 1999. С. 279-286.

⁸ Булгаков. Два Града.

⁹ Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // он же. Избранные сочинения. С. 182-201; он же. Отрывки о государстве // там же. С. 202-210; См. также: Pipes R. Struve: The Liberal of the Right. Cambridge, Mass., 1980. P. 88-92.

ским подъемом¹⁰. Пораженческие настроения были внутри образованного слоя, в отличие от времени Русско-японской войны, маргинальным явлением, распространенным лишь у большевиков и некоторых других леворадикальных групп. Этот национальный поворот, захвативший европеизированные элиты России после 1905 г., поворот, который никак нельзя охарактеризовать как «product of a historical accident»¹¹, остается в статье Бранденбергера без внимания.

На российские народные слои этот поворот не распространялся. Национальный нигилизм принял в них тогда невиданные масштабы. По праву подчеркивает Бранденбергер тот факт, что «an average peasant at turn of the century had little sense of Russianess. He thought of himself, not as a "Ruskii", but as "Viatskii" or "Tulskii" – that is, a native of Viatka or Tula province»¹². Чем же можно объяснить отречение русского крестьянства от своего собственного государства, приведшее в 1917 г. к полному распаду состоявшей преимущественно из крестьян русской армии и к временному коллапсу российской Империи? Почему подобные явления распада не проявились во время Семилетней войны, Наполеоновских войн или Крымской войны? На этот вопрос статья Бранденбергера не дает ответа. И это не в последнюю очередь оттого, что он упускает из виду глубокие изменения, произошедшие в мировоззрении русского крестьянства в начале 20-го века. В то время разрушалась вековая вера русского народа в царя. Действия народных масс во время первых и вторых выборов в Государственную Думу (1906-07), когда они единодушно голосовали за революционные, а не монархические партии, наглядно подтверждают такое положение дел¹³. Отказ крестьянства от веры в царя практически неизбежно приводил к их отказу от собственного государства. Пока они еще были преданы традиционному мировоззрению, православный царь был для них воплощением государства. Будучи солдатами, они боролись за Веру, Царя и Отечество. Федотов не считает случайностью, что понятию Отечество в этой триаде отводилось последнее место¹⁴. Эрозия веры в царя разрушила и связь крестьян с их собственным государством. Идея современного национального государства, считавшегося независимо от религиозных коннотаций вершинной творения, тогда еще не внедрилась в народное сознание. Таким образом народные массы распрощались с до-модерными представлениями о государстве, не найдя при этом привязки к современной идее национального государства. Они находились в подвешенном состоянии между двумя разными эпохами, и как раз в этом положении после начала Первой мировой войны от них требовалась макси-

¹⁰ См. Plotnikov N., Kolerov M. «Den inneren Deutschen besiegen»: Nationalliberale Kriegspsychologie in Russland 1914-1917 // Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg / Ed. K. Eimermacher, A. Volpert, G. Bordjugov. München, 2005. P. 31-70.

¹¹ Brandenberger. Stalin's populism and the accidental creation of Russian national identity. P. 723.

¹² Brandenberger. Stalin's populism and the accidental creation of Russian national identity. P. 724.

¹³ Милюков П. Воспоминания 1859-1917. N.Y., 1955. Т. 1. С. 350-424; Маклаков В. Из воспоминаний. N.Y., 1954. С. 359-362; Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. L., 1990. С. 233-364; Булгаков С. Автобиографические заметки. P., 1946. С. 80-81.

¹⁴ Федотов. Революция идет. С. 129.

мальная жертвенность. Без далеко идущей идентификации с целями войны и с господствовавшей государственной идеей подобная самоотверженность в долгосрочной перспективе не была возможна. Не удивительно поэтому, что царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и первым пал перед вызовами Первой мировой войны. Каких масштабов достиг национальный нигилизм российских слоев населения после падения монархии доказывает тот факт, что сотрудничество Ленина с Германией в годы войны, документально доказанное Временным правительством¹⁵, никоим образом не помешало победному шествию большевиков. Еще одним свидетельством анациональной позиции нижних слоев населения может служить их равнодушное отношение к унижительному Брестскому миру от марта 1918 г.¹⁶, как две капли воды похожему на последующий Версальский договор.

Интерпретационные недостатки проведенного Бранденбергером анализа национального самосознания в дореволюционной России можно не в последнюю очередь связать с тем, что за некоторыми исключениями (Н. Тимашев и Ю. Данилов) он почти полностью игнорирует исследования эмигрантских мыслителей, посвященные характеру русского менталитета и предыстории русской революции. Подобное пренебрежение результатами исследований ведущих представителей российской эмиграции настолько же неоправданно, как и пренебрежение работами таких немецких эмигрантов, как Эрнст Френкель, Франц Нейман, Ханна Арендт, Герман Раушнинг или Хельмут Плеснер при исследовании немецкой истории.

Высказывания Бранденбергера о развитии русского самосознания в сталинские времена содержат также некоторые спорные тезисы. Говоря о «accidental creation of Russian national identity» во время Сталина он не учитывает того обстоятельства, на которое уже более 60 лет назад указал русский эмигрантский историк Виктор Леонтович в своем труде Правовой переворот Ивана Грозного и идеология русского самодержавия. Леонтович говорит о том, что низшие слои населения, как правило, повторяют правовую судьбу высших. За ликвидацией независимости дворянства Иваном Грозным практически неизбежно следовало распространение «крепостного режима» на все остальные слои населения. После освобождения дворянства от обязательной службы (1762) раскрепощение крестьян стало, по Леонтовичу, лишь вопросом времени¹⁷.

¹⁵ См. Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Rußland: Die deutschen Akten. Leiden 1957; Zeman Z. Germany and the revolution in Russia 1915-1918: Documents from the archives of the German Foreign Ministry. L., 1958; Idem, Scharlau W. Freibeuter der Revolution: Parvus-Helphand. Eine politische Biographie. Köln, 1964; Pipes R. Die russische Revolution. Berlin, 1991-92. Vol. 2. P. 131-134, 166-173; Volkogonov D. Lenin. Düsseldorf, 1994. P. 110-129; Heresch E. Geheimakte Parvus: Die gekaufte Revolution. Biographie. München, 2000; Service R. Lenin: Eine Biographie. München, 2000. P. 340-346, 387-388; Церетели И. Воспоминания о февральской революции. P., 1963. С. 322-334.

¹⁶ См. Струве. Избранные сочинения. С. 322.

¹⁷ Leontovitsch V. Die Rechtsumwälzung unter Iwan dem Schrecklichen und die Ideologie der russischen Selbstherrschaft. Stuttgart, 1947.

По образцу Леонтовича можно сказать, что подобные процессы видны и в развитии господствующих моделей мышления и поведения внутри той или иной нации. К началу 20-го столетия русские народные массы переняли возникшую в середине 19-го века веру интеллигенции в революцию как панацею от всех бед, что в конце концов привело в 1917 г. к временному краху российской государственности. Примерно поколение спустя национальный ренессанс, охвативший интеллигенцию после 1905 г., начал распространяться и на народные массы – несмотря на то, что они жили в оболочке тоталитарного сталинского государства. За каждым революционным разрывом с прошлым следует по истечении определенного времени тоска по восстановлению исторической преемственности, заметил в связи с этим британский советолог Э.Х. Карр.

К этой потребности Сталин уже в 1920-х гг. развил тонкое чутье, провозгласив тезис о строительстве социализма в одной стране и обращаясь тем самым к национальной гордости большевиков. Эта игра национальной картой усилилась, как справедливо подчеркивает Бранденбергер, после захвата власти национал-социалистами в Германии. Направленность Советского Союза на возможную войну с Третьим Рейхом являлась одной из причин глубоких идеологических изменений, проходящих примерно с 1933/34 гг. в СССР. Чтобы как можно больше консолидировать силы страны, сталинский режим провел процесс некоторого внешнего уподобления Третьему Рейху. Имитация определенных методов и практик праворадикального режима сталинским государством указывала на то, что принцип политического успеха теперь, казалось, воплощался правыми экстремистами, теперь они слыли во многом учителями победоносного политического и идеологического образа действий. В связи с этим необходимо указать на поворот в идеологических тенденциях, который переживала Европа с начала 1930-х гг. Тогда отмечался общий подъем экстремальных националистических настроений, проходивший параллельно со спадом популярности социалистических идей. Так, Федотов в 1931 г. указывал на то, что идея социальной справедливости и защиты угнетенных потеряла свою привлекательность. В противоположность этому везде в Европе набирал силу экстремальный национальный эгоизм, стремление максимального развертывания силы собственной нации за счет других народов¹⁸. Этот националистический поворот начал после 1933 г. все сильнее влиять и на Советский Союз, что не в последнюю очередь выразилось в 1934 г. в ликвидации школы Покровского в большевистской исторической науке, интерпретировавшей российскую историю прежде всего с революционных классовых позиций¹⁹.

¹⁸ Федотов Г. Социальный вопрос и свобода // *Современные записки*. 1931. № 47. С. 421-438; он же. *Сумерки отечества* // он же. *Судьба и грехи России*. Т. 1. С. 320-328.

¹⁹ Геллер М., Некрич А. *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней*. Л., 1982. Т. 1. С. 284, 311-315; Souvarine B. *Stalin: Anmerkungen zur Geschichte des Bolschewismus*. München, 1980. P. 556f.

Между тем тогдашняя национализация большевизма за счет социалистической идеи, которая, однако, как правильно замечает Бранденбергер, никогда не исчезла из сталинского вокабуляра, была обоснована не только внешне-, но и внутривнутриполитическими причинами. Так, сталинский режим после коллективизации сельского хозяйства из-за методов ее проведения не мог больше убедительно выступать как защитник идеала социальной справедливости. Распространение национальных идей и идеала сильного русского государства казались более подходящими для укрепления эмоциональной связи населения с режимом.

Реабилитация национальной идеи Сталиным хотя и служила преимущественно пропагандистским целям, однако в то же время была реакцией на истинные эмоциональные потребности народа. Поэтому сталинский национализм, несмотря на его откровенно манипуляторский характер, был охотно принят в России. Открытие до этого запрещенного слова «родина» произошло не только по указу, писал Федотов в 1935 г.²⁰ Власть имущие лишь дали давно присутствовавшему национальному чувству возможность проявления. То, что идентификация с собственной нацией, захватившая к началу 20-го века только русские образованные слои, через примерно три-четыре десятилетия охватила почти все население, можно было ясно наблюдать во время советско-германской войны, которая, в отличие от Первой мировой войны, воспринималась русскими массами как «Отечественная». Смена парадигм, произошедшая в России между Первой и Второй мировой войной, прослеживается на примере двух русских политиков, кооперировавшихся с противником. Сотрудничество Ленина с немцами, как уже говорилось, не повредило его популярности, в то время как коллаборационизм генерала Власова с Третьим Рейхом полностью дискредитировал его в глазах подавляющего большинства российского населения²¹. Русский патриотизм, практически не игравший никакой роли в народных массах во время Первой мировой войны, после 1941 г. стал главнейшим фактором, способствовавшим выживанию советской империи, краху Третьего Рейха и провалу программы Власова. Едва ли возможно, что этот глубокий процесс идентификации российского населения с собственной нацией был просто «a historical accident», как предполагает Бранденбергер.

Я бы хотел еще коротко остановиться на разногласии между Дэвидом Бранденбергером и Андреасом Умландом, упрекающим Бранденбергера в недооценке антисемитского поворота в идеологическом развитии позднего сталинизма. Бранденбергер считает это возражение мало убедительным, так как антисемитизм, по его мнению, представлял собой лишь незначительную деталь тогдашней сталинской национальной политики и не отличался от «broader official Soviet roll-back of other sorts of ethnic self-expression in the USSR among Tatars, Kazahs ... and others between 1944 and 1953»²².

²⁰ Федотов Георгий. Новый идол // он же. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 53, 58-60.

²¹ См. Геллер, Некрич. Утопия у власти. Т. 2. С. 98, 112, 116 и сл.

²² Brandenberger D. Nationalist, heretic or populist?

При этом Бранденбергер недооценивает, однако, того, что в случае ненависти к евреям речь шла, как правило, о большем, чем просто о ксенофобии. Евреев часто считали воплощением зла, ответственным практически за все беды в мире. Ненависть к евреям носила, таким образом, мистические и мифические черты, которые обычно отсутствуют в других видах ксенофобии. Но особую интенсивность эта ненависть достигает у поборников мессианских идей любой разновидности, которые не могут примириться с мыслью о еврейской «избранности», так как она конкурирует с представлением о их собственном призвании²³. Так, например, в позднесталинском Советском Союзе, где официальная пропаганда представляла русскую нацию и русский пролетариат во главе со Сталиным спасителем человечества, не было места для идеи еврейского мессианства. Эту особую функцию, которую получил антисемитизм в тогдашнем идеологическом инструментарии сталинизма, Бранденбергер оставляет без внимания.

В заключение я хотел бы обратиться к высказываниям Бранденбергера, в которых он приравнивает сталинский популизм к популизму таких латиноамериканских диктаторов, как Перон, Варгас или Батиста. Этим тезисом Бранденбергер в некотором роде переворачивает вверх дном дискурс о тоталитаризме, насчитывающий не один десяток лет и подчеркивающий качественные различия между тоталитарными и авторитарными режимами. Он оставляет без внимания тот факт, что сталинский режим, в отличие от авторитарных диктатур, основывался на тотальном контроле общества, который не в последнюю очередь вытекал из тотального недоверия Сталина по отношению к собственному народу. Если учитывать то, что сталинская команда обезглавила собственную армию, партию, управленческий слой, дипломатический корпус и другие сегменты господствовавшей советской элиты, лишила деятелей культуры всякой самостоятельности, нанесла страшный урон крестьянам и превратила их в крепостных государства, то это недоверие не было необоснованным. Лишь в первый год советско-германской войны, когда режим вел борьбу за выживание, государственные механизмы контроля были несколько ослаблены. Московский историк Михаил Гефтер говорит даже о «спонтанной десталинизации», произошедшей тогда²⁴. Но уже спустя год, еще до победы под Сталинградом, на некоторое время растерявшийся режим начал снова отвоевывать внутривнутриполитическую территорию. Польский поэт Александр Ват, бывший в военное время в Советском Союзе, пишет: «Перелом в хребте режима между тем зажил. Царил абсолютный порядок. Все акты лежали на своих местах [...] Органы НКВД [снова контролировали страну]»²⁵.

²³ См. Luks L. Die Sehnsucht nach der «organischen nationalen Einheit» und die «jüdische Frage»: Das publizistische Werk Fedor Dostoevskijs und Heinrich von Treitschkes // idem. Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen. Köln, 2007. P. 13-44.

²⁴ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

²⁵ Wat A. Jenseits von Wahrheit und Lüge. Frankfurt/Main, 2000. P. 625.

Можно ли этот основанный на тотальном контроле режим отождествить с названными ранее авторитарными диктатурами, использовавшими совсем другие техники правления? Едва ли. Также и значение, присущее популизму в таком тоталитарном режиме как сталинский, принципиально отличается от того, в каком виде он использовался в таких государствах как, например, Аргентине при Пероне или на Кубе при Батисте. По всем этим причинам попытка Бранденбергера поставить под сомнение модель тоталитаризма кажется мало убедительной.

(Авторизованный перевод Антонины Зыковой)